

На правах рукописи

Горбунова Светлана Владимировна

**РОЛЬ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ГАРМОНИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А.С.ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»)**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2013

Работа выполнена на кафедре истории русского языка и славянского языкознания федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук
Николаева Татьяна Михайловна

Официальные оппоненты: *Дмитриева Ольга Ивановна,*
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный
университет имени Н.Г.Чернышевского»

Косова Вера Алексеевна,
кандидат филологических наук, доцент
ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Марийский государственный
университет»

Защита состоится «24» июня 2013 года в 10.00 на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». Электронная версия автореферата размещена на сайте ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». Режим доступа: <http://www.kpfu.ru>.

Автореферат разослан « » мая 2013 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Т.Ю.Виноградова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современной языковедческой литературе чрезвычайно мало внимания уделено исследованию лингвистических особенностей произведений А.С.Пушкина. До сих пор не создана исчерпывающая картина описания языка произведений великого поэта. Совершенно неизученным оказался такой аспект, как экспрессивные свойства словообразовательных элементов и процессы семантической трансформации в творчестве А.С.Пушкина. Сказанное определило **актуальность** данной работы.

Объект исследования - роман в стихах «Евгений Онегин», в котором оказались объединенными все приемы поэтического мастерства автора, **предмет** – участие морфологического и семантического словообразования в организации художественного текста.

Цель работы – изучение экспрессивности словообразовательных средств и специфики семантико-стилистических преобразований в романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- внести уточнение в понятие экспрессивности художественного текста в применении к системе словообразовательных средств;
- исследовать изобразительные возможности словообразующих служебных (префиксы, конфиксы, суффиксы и др.) и «корневых» (основы) морфем в романе;
- показать наиболее яркие словообразовательные приемы, используемые автором для создания художественного образа;
- изучить субстантивные, адъективные и глагольные семантические дериваты в аспекте построения гармонического текста;
- выявить наиболее продуктивные словообразовательные модели и типы в рамках исследования семантических новообразований;
- подтвердить словообразовательный статус семантической деривации;
- определить морфологические особенности производных;
- рассмотреть специфику сочетаемости новообразований со словами, принадлежащими к различным частям речи;
- выявить случаи несовпадения авторского комментирования лексем и словарной семантики;
- определить стилистические новации (появление оценочности, коннотативных акцентов, эмотивности, их фиксация в Словаре языка Пушкина и т.п.).

Материалом исследования, помимо текста романа «Евгений Онегин», послужили наиболее авторитетные словари: «Словарь языка Пушкина» (под ред. В.В.Виноградова), «Словарь русского языка XVIII века» (под ред. Ю.С.Сорокина), «Словарь Академии Российской» (1789-1794), «Словарь русского языка XI-XVII веков» (под ред. Д.Н.Шмелева), «Этимологический

словарь М.Фасмера», «Малый академический словарь русского языка» (под ред. А.П.Евгеньевой) и др.

Теоретическую базу работы составили труды таких ведущих ученых, как В.В.Виноградов, В.Н.Виноградова, Г.О.Винокур, В.П.Григорьев, Е.А.Земская, Л.В.Зубова, С.П.Лопушанская, Ю.М.Лотман, В.М.Марков, Г.А.Николаев, Л.А.Новиков, Д.Н.Шмелев, Л.Я.Щерба, Р.Якобсон и др.

Основным методом исследования является комплексное изучение поэтического текста, включающее в себя исторический, синхронный, когнитивный, функционально-коммуникативный и описательный подходы.

Научная новизна исследования: **впервые** в результате изучения специфики морфологического и семантического словообразования в романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин» с привлечением историко-культурологических данных получили освещение следующие вопросы:

- предложена классификация авторских художественных приемов, базирующихся на использовании той или иной словообразовательной морфемы;
- расширено понятие **гармонического текста**: в работе оно обозначает произведение, художественная ценность которого подтверждается связанностью и взаимообусловленностью разноуровневых языковых элементов (единиц фонетики, лексики, морфологии, синтаксиса, словообразования), создающих текстовое единство;
- установлена экспрессивная значимость элементов словообразования в организации гармонического текста;
- сделан вклад в разработку теоретических основ семантического словопроизводства, показаны его системность, регулярность;
- описаны основные семантико-деривационные модели новообразований на базе лексем, принадлежащих к различным частям речи;
- определен характер взаимодействия закономерностей семантической деривации в узусе и в авторском тексте;
- с опорой на диахронический аспект описаны случаи расхождения авторской семантики и словарной и процессы дальнейшего развития лексем в языке последующих эпох.

Теоретическое значение работы заключается во всестороннем исследовании роли средств морфологического и семантического словообразования в организации гармонического единства пушкинского романа в стихах. Проведенный анализ позволяет восполнить недостающие звенья в исследовании пушкинского слова, проникнуть в тайны творческой мастерской, вскрыть причины возникновения художественной уникальности текста. Таким образом, заполнена лакуна, образовавшаяся в последнее время в текстовом изучении языка поэзии А.С.Пушкина: показана экспрессивная значимость морфем в романе; поэтические дериваты, принадлежащие к различным частям речи, рассмотрены как продукты семантического словообразования.

Результаты работы вносят вклад в решение дискуссионных проблем, касающихся функционального назначения морфем, их экспрессивных возможностей, а также семантико-стилистической деривации. Полученные данные расширяют теоретическую базу стилистики и раскрывают потенциальные возможности лингвистической интерпретации текста. Параллелизм и взаимодействие способов словообразования создают возможности для углубленного понимания таких номинаций, как нулевая аффиксация, этимологическая регенерация, поэтическая этимология, экспрессивная значимость морфем, системность семантических трансформаций. Проведенное исследование вскрывает связь стилистических, словообразовательных, грамматических значений, демонстрирует роль синонимических отношений и значимость семантических преобразований в истории языка, обогащает теоретические основы стилистической лексикологии и словообразования.

Практическое значение работы состоит в возможности ее использования в качестве источниковедческой базы при составлении учебных программ и пособий, чтении вузовских лекций и спецкурсов, посвященных специфике морфологической и семантической деривации в творческом наследии А.С.Пушкина. Разработанные материалы могут быть применены как при дальнейшем изучении лингвистических особенностей произведений поэта, так и при общетеоретическом исследовании процессов словопроизводства в русском языке XIX-XXI вв.

На **защиту** выносятся следующие **положения**:

- Морфологическое и семантическое словообразование играет важную роль в создании художественного образа и является одним из ключевых компонентов экспрессивной составляющей гармонического текста.
- Каждая словообразующая морфема, как «корневая», так и служебная, обладает в романе А.С.Пушкина собственным спектром изобразительных средств, которые реализуются в ряде приемов выразительности поэтической речи.
- Семантический способ словообразования, наряду с морфологическим, является источником активного пополнения словарного состава пушкинского текста.
- Системный характер появления семантических глагольных, субстантивных и адъективных новообразований, наличие продуктивных моделей, по которым осуществляется трансформация, свидетельствует о принадлежности данных явлений к процессам словообразования.
- Морфологические и семантические словообразовательные процессы существуют в пушкинском тексте не изолированно, между ними происходит постоянное взаимодействие, в результате которого рождаются неповторимые особенности пушкинского стиля.

- Использование традиционных для языка XIX века словообразовательных средств включается в принципиально новый авторский контекст, что способствует появлению стилистических новаций, многие из которых впоследствии становятся достоянием узуса.
- Появление новообразований у А.С.Пушкина сопровождается изменениями на разных уровнях языка – морфологическом, синтаксическом, семантическом, стимулирует процессы, связанные с этимологической структурой слова, что также вносит вклад в создание экспрессивности лексем и гармонического текста.
- Исследование языковых фактов определенной эпохи требует широкого привлечения историко-культурологических данных, которые объясняют экстралингвистические бытовые и поведенческие реалии, формирующие авторскую позицию и обуславливающие выбор тех или иных средств языка для ее выражения.

Исследование прошло **апробацию** в ряде научно-практических конференций, в числе которых Итоговая научная конференция КФУ (Казань, 2011), Международная научно-практическая конференция «Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии» (Казань, июнь 2012), Международная научная конференция «Информационные технологии и письменное наследие» (Петрозаводск, 3-8 сентября 2012), Международная конференция «Европейская русистика и современность» (Познань, сентябрь 2012) и др.

Структура исследования: работа состоит из введения, двух разделов, каждый из которых представлен несколькими главами, заключения и библиографии. Общий объем диссертационного исследования составляет 186 страниц машинописного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность исследования, определены объект и предмет изучения, сформулированы цель и задачи работы, показаны ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, описаны методологические основы анализа, названы ключевые положения, отмечена апробация работы.

Первый раздел (1) «**Экспрессивная функция морфемы в романе «Евгений Онегин»**» посвящен роли средств морфологического словообразования в гармонической организации пушкинского текста.

В первой главе (1.1) «**Понятие экспрессивности художественного текста**» освещены общие теоретические положения, касающиеся трактовки категорий экспрессивности, эмоциональности, оценочности, коннотативности в современной лингвистической литературе.

Основоположником концепции и методов исследования экспрессивных фактов речи считается французский ученый Шарль Балли, признававший дихотомию рационального и эмоционального. Лингвист разграничивал две функции языка - идентификацию и экспрессию. «Множественность» экспрессивных средств Балли выводил из «ассоциаций, порожденных присутствием в памяти выражений, аналогичных данному, создающих своего рода бессознательную синонимию» [Балли 1961: 120].

На современном этапе проблемы экспрессии рассматриваются с позиций семантики, стилистики и прагматики.

В семасиологии основное внимание уделяется изучению места экспрессивно окрашенной лексики в типологии значений и формировании самого экспрессивно окрашенного значения: важно разграничение слов, называющих эмоции, и слов, несущих эмоциональную окраску. Семасиологи (В.Г.Гак, Т.А.Графова, Н.А.Лукьянова, В.Н.Телия, А.А.Уфимцева, В.И.Шаховский) рассматривают специфику указанного значения через призму системного описания семантики.

Стилистика изучает экспрессию с позиции закономерности выбора средств, соответствующих конкретной речевой ситуации (Г.О.Винокур, Ю.Н.Караулов, Е.Ф.Петрищева, Ю.С.Степанов, Д.Н.Шмелев).

Прагматика включает в объект исследования категорию субъекта речи и его коммуникативных намерений, а также цель сообщения, подразумевающую получение определенной эмоциональной реакции, то есть решает проблемы экспрессивности с точки зрения отношения субъекта к адресату и к действительности (Н.Д.Арутюнова, В.В.Богданов, В.З.Демьянков, Ч.У.Моррис, Ч.С.Пирс).

Таким образом, понятие экспрессивности трактуется неоднозначно, это привело к тому, что до сих пор не существует единого мнения о природе данного явления. Также нет общего взгляда на соотношение экспрессивности и эмоциональности, оценочности, коннотации. В настоящем исследовании под **экспрессивностью** понимается целенаправленное отступление от нейтрально-нормативного способа выражения содержания, от стандарта. Она создается совокупностью сознательно применяемых актуализирующих выразительных средств, способствующих созданию художественного образа, выделяющих его из ряда других и вызывающих эмоциональную реакцию. Воздействие может быть оказано при помощи эмоциональной и коннотативно-оценочной окраски элементов, стилистической маркированности, включения в состав лексемы компонентов интенсивности или экстенсивности. При этом данная работа сосредотачивается не столько на природе экспрессивности, сколько на том, как способствуют определенные языковые элементы, в частности средства словообразования, эмоциональному воздействию на восприятие художественного произведения.

Вторая глава (1.2.) «**Проблема изучения экспрессивной функции морфемы в языкознании**» рассматривает основные научные тенденции в исследовании функционального статуса словообразующей морфемы.

Вопросы анализа языка поэзии с точки зрения реализации его потенциальных возможностей посредством использования различных актуализирующих средств разработаны в современной лингвистике чрезвычайно слабо. Это замечание справедливо, прежде всего, по отношению к изучению экспрессивности словообразовательной морфемы.

Отдельные аспекты исследования данной проблемы представлены в трудах В.В.Виноградова, Г.О.Винокура, В.П.Григорьева, Л.В.Зубовой, Ю.М.Лотмана, В.Н.Виноградовой, Д.Н.Шмелева.

Особенностям индивидуального словотворчества посвящены работы М.А.Бакиной, А.Г.Лыкова, Е.А.Земской, О.А.Александровой, Н.И.Фельдман и многих других. Интерес к появлению новообразований в языке писателей базируется на том, что инновации художественной речи - это «не просто слова на случай для конкретного контекста, а <...> экспериментальные <...> решения ономазиологических задач» [Григорьев 1987: 117]. В центре внимания ученых находится, как правило, *окказиональное слово* (термин Н.И.Фельдман), противопоставленное общеязыковой инновации – неологизму.

При всем многообразии методов и аспектов изучения проблемы перечисленные работы не создают исчерпывающей, объемной и всесторонней картины экспрессивной значимости словообразующей морфемы. Недостаточно внимания уделено исследованию специфики языка отдельных писателей с точки зрения приемов художественной выразительности, базирующихся на использовании средств словопроизводства. Кроме того, до сих пор остается открытым вопрос о роли различных морфем: одинаковой ли экспрессивностью они обладают, способны ли воздействовать на читателя те или иные аффиксы, на каких принципах строится и как проявляется это воздействие в текстах авторов разных эпох. Для ответа необходимо обратиться к произведениям признанных мастеров слова, прежде всего – к А.С.Пушкину, чье творчество практически не изучено с этой позиции.

В третьей главе (1.3) «**“Корневые” морфемы**» показана роль основы слова («корневой» морфемы по И.А.Бодуэну де Куртенэ) в создании экспрессивно насыщенного поэтического текста.

А.С.Пушкин проявляет пристальное внимание к *внутренней форме слова* в связи с поисками этимологического значения как источника точной передачи идеи. Наиболее продуктивным приемом является *повтор этимологически родственных, но семантически дестимологизированных основ*.

В некоторых случаях повтор приводит к тому, что первоначально непроизводное слово приобретает авторскую соотнесенность на основании сходства в звучании лексем: «*Всего, что знал еще Евгений, // Пересказать мне недосуг; // Но в чем он истинный был гений, // Что знал он тверже всех наук... // Была наука страсти нежной*». Евгений - немотивированное в русском языке

имя, из греческого «благородный» (словарь М.Фасмера), однако А.С.Пушкину важно иронически подчеркнуть такую черту героя, как «гениальность», искушенность в любовных вопросах. Поэтому он изменяет структуру имени собственного, внося в нее новый смысл и устанавливая связи между исторически не соотносимыми словами. Таким образом, отношения между лексемами устанавливаются и на структурном, и на семантическом уровне, в результате внутренняя форма слова обогащается за счет обретения новой структурной и семантической мотивации. Происходит авторское переосмысление слова, в ходе которого реализуется тенденция к вторичной мотивированности, что составляет суть поэтической этимологии.

Процесс переосмысления всегда связан с *элементами языковой игры*, поэтому нередко строится на неожиданных аналогиях, видимых алогизмах, парадоксах: «*Они сошлись. Волна и камень, // Стихи и проза, лед и пламень // Не столь различны меж собой. // Сперва взаимной разнотой // Они друг другу были скучны; // Потом понравились; // <...> И скоро стали неразлучны*». В контексте А.С.Пушкин акцентирует внимание читателя на двух словах: *различны* и *неразлучны*, имеющих созвучные, но абсолютно не совпадающие по смыслу производящие основы – *различить* и *разлучить* соответственно. В данном случае поэта не интересует историческая производность обеих основ, они важны для него как состоявшиеся словообразовательные единицы, способные порождать новые элементы языковой системы. Их фонетическое сходство становится основой для семантизации морфем и приводит к появлению новых логических связей внутри текста, а именно причинно-следственных: *различны* – следовательно, *неразлучны*. Показательно, что в контекст включается авторское образование *разнота* (абстрактное существительное от *разный*), произведенное по продуктивной языковой модели (ср. *беднота, полнота, темнота, доброта* и др.). А.С.Пушкин намеренно не использует узуальные синонимы (*разница, различие*): окказионализм заставляет сконцентрироваться на ряде слов, подвергнутых паронимической аттракции.

Связь слов в пушкинском тексте может быть построена не только на принципе дополнительности или генетического родства, но и на таких парадигматических отношениях лексического уровня, как, например, *антонимия производящих основ* («*привычка усладила горе*»). Особый интерес представляют также случаи *поэтического переосмысления иноязычной основы* (*васисдас* в значении «маленькая дверка или форточка в окне или двери» из немецкого «*was ist das?*» - «*что это?*», *фармазон* в значении «опасный сумасброд» из «*франк-масон*»).

Таким образом, основа слова в пушкинском тексте нередко выступает в качестве носителя экспрессии, восстанавливая исконные значения и аккумулируя новые смыслы. Автор активно использует инструменты реэтимологизации и деэтимологизации, благодаря чему слово у А.С.Пушкина предельно сосредоточено на себе самом и одновременно открыто для контекстуального взаимодействия и ассоциативного преобразования.

Четвертая глава (1.4) «**Служебные морфемы**» посвящена функционированию префиксов, суффиксов, конфиксов и трансфиксов в пушкинском романе в стихах и представлена четырьмя параграфами.

В первом параграфе (1.4.1) «**Префиксы**» рассмотрены приемы создания поэтической выразительности, базирующиеся на использовании приставки.

Одним из наиболее ярких приемов является *повтор префикса* («не-», «полу-», «по-», «за-» и др.). Значимость повторяющихся приставок зачастую весомее, чем самой основы. Появление новых смыслов, создание структурных связей, достижение экспрессии, включение в лингвистическую игру и поддержание диалогического характера текста — те функции, которые наиболее часто выполняются при повторении префиксальных морфем.

Заслуживают внимания контексты, в которых объединены *слова с родственными основами, осложненными антонимичными префиксами* либо звуковыми комплексами, претендующими на статус морфемы, способной объединить лексемы и структурно, и семантически: «*То стан совет, то разовьет// И быстрой ножкой ножку бьет*». Словообразовательные антонимы, мотивированные глаголом «вить», имеющие значения разнонаправленных действий, призваны изобразить легкость движений балерины, способной быстро перейти от одного «па» к другому. Изящна метафора «свивающегося стана», подчеркивающая гибкость Истоминой: глаголы, характеризующие процессы, происходящие с неодушевленными предметами, переносятся в сферу действия живого существа. Тем самым поэт показывает высокую степень мастерства балетной примы.

Нередко в тексте «Евгения Онегина» противопоставленными оказываются *префиксальные производные одной и той же основы, не имеющие антонимической семантики в узуальном языке*: «*Мои богини! что вы? где вы?// Внемлите мой печальный глас:// Все те же ль вы? другие ль девы,//Сменив, не заменили вас?*». Слова *сменить* и *заменить* в узусе являются синонимами в значении «появиться, прийти на смену кому-либо или чему-либо» (МАС). Однако А.С.Пушкин, благодаря тонкой языковой интуиции, подчеркивает тот оттенок значения, которой присущ исключительно лексеме с приставкой «за-»: «занять место кого-либо, став равноценным ему». В результате соположенные в тексте лексемы обретают статус антонимичных. В связи с этим стоит отметить такое свойство языка А.С.Пушкина, как тяготение к афористичности — стремление выразить мысль в предельно яркой и краткой форме.

Значимым приемом создания экспрессивно насыщенного художественного текста у А.С.Пушкина является *использование стилистически маркированного префикса*. Церковнославянские приставки «вос-», «из-», «рас-» и другие формируют эмоционально переосмысленное слово, способное оказывать воздействие на читателя.

Второй параграф (1.4.2) «**Суффиксы**» демонстрирует значимость суффиксальной морфемы в создании экспрессии.

Важную роль играют как материально выраженные, так и нулевые суффиксы. И те, и другие провоцируют **сближение в контексте производящих и производных основ**: «Была наука **страсти** нежной, // Которую воспел Назон, // За что **страдальцем** кончил он // Свой век блестящий и мятежный». В контексте сталкиваются два производных глагола **страдать** — существительные **страдалец**, в современном языке сохранившее свою соотнесенность, и **страсть**, образованное при помощи древнего непродуктивного суффикса ***ть** (из **strad-tь*, см. Словарь М.Фасмера). В начале XIX в. связь лексемы «страсть» с глаголом еще полностью не утрачена, о чем свидетельствует «Словарь Академии Российской», основное значение, зафиксированное Словарем - «страдание, мучение» - сейчас в узусе изжито полностью, оставшись только в рамках устойчивых сочетаний (*страсти Христовы*). Однако А.С.Пушкин употребляет **страсть** с новой для его эпохи семантикой, которая впоследствии прочно закрепится в языке XIX века и сохранится до наших дней - «сильная любовь с преобладанием чувственного влечения» (МАС). В этом новом значении, которое, казалось бы, никак не связано с семой «мучение», автор видит прямое родство с производящей основой: **страсть** у А.С.Пушкина ведет к **страданию**, и тот, кто воспевает ее «науку», становится **страдальцем**. Таким образом, автор разводит **страсть** и **страдание** как причину и следствие; эти коннотативные значения демонстрируют стремление поэта переосмыслить не только значения лексем, но и категориальные отношения между ними.

Нулевая суффиксация дает яркие примеры **паронимической аттракции**: «Враги! Давно ли друг от друга // Их жажда крови отвела? // Давно ль они часы досуга, // Трапезу, мысли и дела // Делили дружно?». Излюбленный пушкинский перенос строки способствует постановке акцента на словосочетании **дела делили**, в состав которого входит образование нулевой суффиксации, этимологически связанное с глаголом **делать** — **дела**, однако условия сочетаемости диктуют существительному новую соотнесенность с **делить**, в результате чего деэтимологизированный субстантив приобретает окказиональное значение: дело - «то, что можно разделить». Переосмысление спровоцировано не только синтаксическим расположением лексем, но и в первую очередь тем, что рассматриваемые единицы демонстрируют практически полное фонетическое совпадение «корневых» морфем.

Нулевая суффиксация становится также базой для создания **приема перечислительного присоединения** - перечня отглагольных имен — средства выразительности, придающего повествованию динамичность и остроту: «**Лай, хохот, пенье, свист и хлоп**, // Людская **молвь** и конский **топ!**». А.С.Пушкин в «Примечаниях к “Евгению Онегину”» писал: «В журналах осуждали слова: **хлоп**, **молвь** и **топ** как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские. «Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую **молвь** и конский **топ**» (*Сказка о Бове Королевиче*). **Хлоп** употребляется в просторечии вместо **хлопанье**, как **шип** вместо **шипения**... Не должно мешать свободе нашего

богатого и прекрасного языка» [Пушкин 1959: 174]. Таким образом, в контексте проявляется стремление автора включить в ткань повествования элементы народной языковой стихии. Для А.С.Пушкина, как для новатора, ратовавшего за смещение границ между стилями, подобное словоупотребление вполне естественно.

В тексте А.С.Пушкина своеобразно проявляют себя словообразовательные синонимы с нулевым и материально выраженным суффиксами, обнаруживая семантические, синтаксические и морфологические различия. Это ярко демонстрируют контексты с использованием лексем *тишь* и *тишина*, *краса* и *красота*, *мечта* и *мечтание*.

Материально выраженные суффиксы, благодаря своей способности становиться инструментом рифмовки, более активно включаются в поэтический текст в качестве структурообразующей единицы, чем нулевые морфемы.

Особое место занимают *суффиксы* «-ов-», «-ин-», которые присоединяются к нейтральным и эмоционально окрашенным основам и образуют так называемые «говорящие» *фамилии*, в частности гостей, приехавших на именины Татьяны: *Пустяков, Буянов, Петушков, Скотинины*. Каждая из фамилий является своеобразной характеристикой лица, носящего ее, при этом персонажи наделяются чертами, «соответствующими» ей. Например, Петушков, чья фамилия прошла несколько словообразовательных ступеней (*петух* > *петушок* > *Петушков*) назван А.С.Пушкиным «уездным франтиком» - слова с уменьшительным суффиксом подчеркивают пренебрежительное отношение автора к эпизодическому персонажу.

В параграфе описаны также случаи *использования суффиксов, имеющих ту или иную стилистическую маркированность* – разговорных («-их(а)» - *волчиха*, «-ач» - *рифмач*, «-(от)ня» - *хохотня* и др.), архаичных («-арь» - *рыбарь*) и присоединения нейтральных суффиксов к основам, обладающим различной эмоциональной окраской («-ость» - *радость, старость, гадость* и др.).

В третьем параграфе (1.4.3) «**Конфиксы**» в традициях Казанской лингвистической школы рассмотрен функциональный статус единой двухэлементной морфемы в романе «Евгений Онегин». Конфиксы оказываются менее продуктивными в плане достижения экспрессии, чем префиксы и суффиксы, однако поэт целенаправленно вводит производные с двухэлементной морфемой для участия в организации техники игры, а также они используются автором в фольклорной стилизации, что способствует восприятию их как неотъемлемой части народной речевой стихии. Широко представлен в тексте *повтор конфикса*: «*Любви безумную тревогу// Я безотрадно испытал*». Адъектив *безумная* и наречие *безотрадно*, имеющее в своей словообразовательной цепи звено с конфиксом «*без...н(ый)*» (*безотрадно* < *безотрадный* < *отрада*), перекликаются в контексте, создавая картину мучительного, тяжелого любовного переживания. Показательно, что

оба слова занимают в синтагмах центральную позицию и расположены в двух стихотворных строках параллельно друг другу. Это приводит к дополнительному акцентированию читательского внимания и усилению мотива безысходности.

Полностью построена на повторах глагольных новообразований песня крестьянских девушек: «*Девицы, красавицы, // Душеньки, подруженьки, // **Разыграйтесь**, девицы, // **Разгуляйтесь**, милые! // **Затяните** песенку, // Песенку заветную, // **Заманите** молодца // К хороводу нашему, // Как заманим молодца, // Как **завидим** издали, // **Разбежимтесь**, милые, // **Закидаем** вишеньем, // Вишеньем, малиною, // Красною смородиной. // Не ходи **подслушивать** // Песенки заветные, // Не ходи **подсматривать** // Игры наши девичьи*». Рефрен, как один из основных художественных приемов произведения устного творчества, обыгрывается поэтом на нескольких уровнях: лексическом (повтор слов *девицы, молодца, вишеньем* и др.), синтаксическом (параллелизм в качестве структурообразующего элемента, организация текста как ряда перекликающихся синтаксических конструкций) и наиболее ярко — на словообразовательном. В тексте песни повторяется несколько конфиксов: «**раз-ся**» со значением интенсивного разнонаправленного действия (***разыграйтесь, разгуляйтесь, разбежимтесь***), «**под-ива-**» со значением сопровождающего действия (***подслушивать, подсматривать***). В языковую игру включаются также приставочные образования с префиксом «**за-**» (***затяните, заманите, завидим, закидаем***), поддерживающие идею фольклорного рефрена.

В четвертом параграфе (1.4.4) «**Трансфиксы**» показано, что в тексте «Евгения Онегина» широко представлены сложные слова, образованные способом трансфиксации (при помощи прерывистого форманта). А.С.Пушкин предельно внимателен к каждому нюансу значения слова: об этом свидетельствует, в частности, то, как *поэт разделяет в тексте узуальные трансфиксальные синонимы*. Например, прилагательные *иноплеменный* («...о...н(ый)») и *чужеземный* («...е...н(ый)»), означающие «иностранный» (см. МАС, «Словарь Академии Российской», «Словарь Даля»), А.С.Пушкин использует в разных контекстах: адъектив *иноплеменный* определяет в тексте «Евгения Онегина» существительное *слова* и имеет единственное значение «принадлежащий другому языку». Здесь явно находит отражение семантика производящей основы: *иноплеменные слова* — это слова иного племени, или народа, то есть язык рассматривается поэтом в связи с его носителями, а не с территорией его распространения. Другая ситуация с синонимичным прилагательным *чужеземный*: говоря о *чужеземных красках*, А.С.Пушкин подразумевает красоту другой страны, места, где побывал герой — то есть на первый план выходит территориальный признак, также заложенный в производящей основе (*чужеземный* < *чужая земля*). Таким образом, лексемы, являющиеся синонимами и, соответственно, взаимозаменяемые в языке, в поэтической речи подвергаются четкой семантической дифференциации.

Интерес поэта к внутренней форме слова проявляется и в том, какие **коннотативные акценты** он расставляет. Так, слово, имеющее в узусе отрицательную коннотацию, у А.С.Пушкина может приобрести положительную, и наоборот: «*За что ж виновнее Татьяна? //<...> За то ль, что любит без искусства, // <...> Что от небес одарена // Воображением мятежным // <...> И своенравной головой*». Прилагательное **своенравный** в пушкинскую эпоху и в современном языке имеет негативный оттенок значения: «упрямый, своеобразный, внемлющий своему хотению, воле» (САР), «поступающий по-своему, своевольный» (МАС), «желающий делать все по-своему и требующий, чтобы другие подчинялись этому порядку» («Словарь Даля»). Однако в контексте оно выступает средством положительной характеристики героини – «оригинальный, своеобразный» (СЯП): речь идет о способности Татьяны принимать самостоятельные решения, о самобытности ее мышления. Автор пользуется тем, что в производящей основе не заложена отрицательная семантика: **своенравный** < *свой нрав* – только указание на обладание собственным характером.

Таким образом, А.С.Пушкин эффективно использует структурные и семантические особенности как производящих основ, так и производных единиц, в результате чего создается коннотативно насыщенное, ассоциативно наполненное слово, способное породить новые смыслы и стилистически трансформировать текст.

Второй раздел (2) «**Процессы семантической деривации в пушкинском тексте**» посвящен семантическому словообразованию в художественном пространстве «Евгения Онегина».

В первой главе (2.1) «**К истории исследований в области семантической деривации**» представлены основные лингвистические концепции, касающиеся процессов трансформации значений слова. Подчеркнуто, что интерес к данной проблеме возник еще в XIX веке, и первые ее разработки связаны с именами таких ученых, как Н.В.Крушевский, Г.Пауль, А.А.Потебня, Д.Н.Ушаков, и др.

В XX веке выделяются основные подходы к рассмотрению феномена семантической деривации: когнитивный, функционально-коммуникативный, словообразовательный.

В рамках когнитивистики (Ю.В.Агеева, Л.Н.Алексеева, Н.И.Болдырев, М.Н.Лапшина, О.Б.Пономарева) семантическая деривация рассматривается как продукт психолингвистической деятельности по актуализации познавательных, когнитивных структур. Когнитивистами была предложена идея выделения моделей, по которым идет семантическое переосмысление.

Сторонники коммуникативного подхода исследуют содержательную структуру языкового знака в условиях конкретной реализации его семантики в речевых актах: при этом рассматривается приспособление семантики отдельного значения к конкретной коммуникативной задаче.

Словообразовательный подход рассматривает деривацию как один из способов словопроизводства. Вклад в теорию семантического

словообразования сделали В.В.Виноградов, Л.А.Новиков, Н.М.Шанский. Проблемой семантического словообразования в диахроническом аспекте активно занимаются ученые Казанской лингвистической школы (В.М.Марков, Г.А.Николаев, Э.А.Балалыкина, Т.М.Николаева и др.). Так, В.М.Марков отмечал, что обогащение лексемы все большим количеством ассоциаций при употреблении в различных речевых ситуациях приводит к возникновению «самостоятельной лексико-грамматической единицы, служащей наименованием уже иного явления, в том или ином отношении сближенным с исходным словом. Аналогичные предпосылки характерны и для морфемного способа словообразования, который ...необходимо рассматривать в тесной связи со словообразованием безморфемным» [Марков 1981: 3]. Ученый понимает семантическую деривацию как «включение слова в иной лексический разряд, в результате чего образуются омонимы, то есть равнозвучные производные лексемы, которые, в категориальном отношении, подобны лексемам, образованным с помощью морфем» [Марков 1981: 9]. Данная трактовка семантического словообразования, отрицая многозначность в традиционном понимании, утверждает эволюционное развитие значения слова и смену денотата как основной показатель деривации.

В.М.Марков подчеркивает, что морфологическое и семантическое словообразование характеризуются не только изоморфизмом, но и тесным взаимодействием, которое провоцирует пополнение словообразовательной системы омоморфемами. Продолжая исследования в этом русле, Г.А.Николаев говорит о связи морфологического и семантического словопроизводства на уровне сложений и сращений, а также о развитии обратной соотнесенности как результате такого взаимодействия.

В данном исследовании термин «семантическая деривация» используется для описания сложного процесса пополнения русского языка новыми номинативными единицами за счет средств, имеющих в языке, то есть изменения содержания без изменения формы знака. При этом такие явления, как омонимия и полисемия, в рамках данной работы не являются объектом специальных рассуждений. В понимании семантической деривации важно отношение производности, смысловой связи между исходным и производным наименованием и типовым значением.

Значимым в работе является аспект исследования разного рода преобразований производящих единиц в рамках семантических моделей. «Устоявшиеся деривационные отношения, служащие моделью для новообразований» [Николаев 2009: 131], заставляют говорить о формировании словообразовательных типов, свидетельствующих о параллелизме семантического и морфологического способов – самом значимом показателе существования семантического способа.

Во второй главе (2.2) «**Субстантивные производные**» описаны основные модели деривации на базе имен существительных. Среди них:

1) Название материала > название изделия

«**Янтарь** на трубках Цареграда, // **Фарфор** и **бронза** на столе, // И, чувств изнеженных отрада, // Духи в граненом **хрустале**»: большая часть субстантивов с получением нового значения приобретает также признак собирательности: **янтарь** – украшения из янтаря, **фарфор** – изделия из фарфора, **хрусталь** – хрустальные флаконы для духов. Именно такое использование лексем привносит в текст ощущение изобилия, избытка предметов на столе героя. Интересно, что почти все перечисленные слова употребляются А.С.Пушкиным только в значениях, представленных в приведенном контексте. Так, например, «Словарь языка Пушкина» фиксирует единственную семантику лексемы **бронза**: «художественные изделия из бронзы».

2) Наименование лица по профессии, роду интересов, занятий, социальному статусу > характерологический аспект

«**Театра** злой **законодатель**», «**Сатиры** смелый **властелин**», «**Почетный гражданин** кулис», «**мод воспитанник** примерный», «**диктатор** балный», «**неприступная богиня** роскошной, царственной **Невы**», «**картежной шайки атаман**, **глава повес**, **трибун** трактирный». Это – характеристики светских людей, отражающие сущность каждого из них. Практически все они строятся по определенной структурной модели: субстантив, являющийся семантическим центром этих сочетаний, как правило, имеет при себе какой-либо атрибут и иногда дополнение, выраженное существительным в родительном падеже со значением отношения. Именно контекстное окружение формирует ту семантику, которую приобретают лексемы.

3) Явления природы > явления человеческой жизни

В рамках данной модели широко представлен, в частности, перенос с явлений мира природы на этапы жизни человека: **весна** в значении «юность, молодость», **полдень** - «середина жизненного пути», **закат** - «конец жизни».

4) Неодушевленные существительные > собирательные одушевленные

В группе представлены существительные, образованные путем метонимического переноса: «**Три дома** на вечер зовут», «**Театр** уж полон, **ложки** блещут, // **Партер** и **кресла** – все кипит». Перенос происходит с помещения на людей, находящихся в нем, однако, если в первом случае слово **дом** приобретает значение «семья», то во втором нет такого наращения смысла. **Ложки**, **партер** и **кресла** обозначают людей, заполнивших пространство театра, однако они лишены конкретной значимости. При этом существительные выступают при глаголах, принимающих метафорические значения. Глаголы интенсивного действия «**блистать**», «**кипеть**» в сочетании с указанными существительными создают образ шумного театра, заполненного роскошной публикой – представителями высшего света. Однако, при всей своей блистательности, светская толпа довольно безлика, в ней трудно выделить отдельных людей – эффект обезличивания также достигается во многом за счет метонимии.

5) *Сфера церковного обихода > область бытовых ситуаций*

«Татьяна долго в келье модной// Как очарована стоит»: в контексте речь идет о кабинете, для характеристики которого автор использует слово *келья*, имевшее в начале XIX века единственное значение «покой, определенный в обители для жития монашествующему» (САР). А.С.Пушкин придает ему принципиально новое значение – «комната одинокого человека», фиксирующееся современными словарями с пометой «поэтическое» (МАС). Эффект такой трансформации оказывается двояким: с одной стороны, явное, намеренное снижение стилистически маркированной лексемы, подчеркнутое оксюморонным сочетанием с прилагательным «модная», демонстрирующим авторскую иронию по отношению к описываемым явлениям, а с другой — реализация развернутой метафоры дома Онегина как своеобразной святыни для Татьяны.

В романе на лингвистическом уровне реализуется иронический сюжетный мотив «жития» Онегина: нередко жизнь героя в деревне преподносится автором, как отшельническое существование. Так, о беседующих Онегине и Ленском Пушкин говорит: «Но чаще занимали страсти// Умы *пустынников* моих». Словари по сей день закрепляют за выделенной лексемой семантику «человек, из религиозных соображений поселившийся в безлюдном месте и отказавшийся от общения с людьми; отшельник» (МАС). В этом значении она мотивируется церковнославянизмом *пустынь* - «уединенное место, где жил отшельник». У А.С.Пушкина же *пустынники* - «люди, живущие вдали от света, в запустении». Происходит ретимологизация, в результате которой возникает новая соотношенность, теперь с лексемой *пустыня* - «безлюдное, незаселенное место». Таким образом, поэтическому преобразованию подвергается не только значение единицы, но и связи между словами.

В исследовании представлены также следующие модели деривации: *предметы материального мира > сфера жизнедеятельности человека, абстрактные неодушевленные существительные > конкретные одушевленные, совокупность лиц > область предметов материального мира*. Кроме того, описаны семантические преобразования на базе имен собственных.

В третьей главе (2.3) «**Адъективные новообразования**» показано, что наиболее продуктивными моделями семантико-стилистических трансформаций в области прилагательных в романе А.С.Пушкина являются следующие:

1) *Характеристика вкусовых качеств > характеристика абстрактных явлений*

В центре данной группы находятся две лексемы, основное значение которых – вкусовое качество: *горький* и *сладкий*.

2) *Качественная характеристика предмета > характеристика человека*

По модели образуются прилагательные, участвующие в создании ярких, экспрессивных образов: «И путешественник залетный,// *Перекрахмаленный* нахал,// В гостях улыбку возбуждал// Своей осанкою заботной». Формант

«пере-» в производящей основе (*перекрахмалить*) имеет семантику «произвести действие сверх меры». Это значение избыточности сохраняется и у семантического деривата: *перекрахмаленный* - «утрирующий моду начала XIX века крахмалить шейные платки; чрезмерно модно одетый» (СЯП), то есть в данном случае можно говорить о **взаимодействии морфологического и семантического способов словообразования**. В результате происходит перенос с характеристики одежды человека на характеристику его самого. Заметим, что причастие в данном контексте используется в функции прилагательного, тем самым осуществляется переход одной части речи в другую – одна из разновидностей семантического словообразования.

3) Характеристика природного мира > характеристика человека

Одним из излюбленных приемов поэта является совмещение смыслов в лексеме, актуализация одновременно двух сем: первичной, производящей и вторичной, производной. Эта интеграция значений участвует в создании ярких образов, в построении сложных ассоциативных рядов: «*С какою гордостью небесной// Земли касается она*». Адъектив *небесный* принимает значение «божественно-прекрасный, неземной, чудесный» (СЯП). Это, несомненно, оценочное образование: поэт восхищается чертами девушки, ее походкой, манерами. В примере можно наблюдать явление наложения, совмещения смыслов: связь с «небом» как с производящей основой не утрачивается, более того, на этой связи выстраивается антитеза: противопоставление в контексте неба и земли. Однако значение «относящийся к небу» снимается, деэтимологизируется. Поэт **расширяет границы традиционного словоупотребления**, тем самым добиваясь функционирования лексемы в качественно новом значении.

4) Характеристика человека > характеристика природных явлений и предметов материального мира

По модели образованы лексемы, первичным значением которых является признак, характеризующий внешность человека, его поведение или душевные качества. Становясь объектом семантико-стилистических преобразований, слова начинают определять предметы и явления природного и материального миров: «*Кипучий, темный и седой// Поток, не скованный зимой*», «*Природа трепетна, бледна*», «*...недвижны сосны// В своей нахмуренной красе*» и др.

Среди адъективных новообразований отдельно представлены **сложные слова, образованные путем сращения**. Практически все они являются окказиональными, авторскими, и демонстрируют склонность поэта к словотворчеству, оставаясь при этом в рамках продуктивных языковых моделей. При этом зачастую **новая лексема появляется на базе метафорических словосочетаний**: «*Упала в снег; медведь проворно// Ее хватает и несет;// Она бесчувственно-покорна,// Не шевельнется, недохнет...*». В адъективе *бесчувственно-покорна* части производящей основы связаны между собой по принципу «причина и следствие»: «покорна», так как «бесчувственна» - «лишена способности чувствовать, без сознания». В

контексте сложное слово занимает синтаксически сильную позицию сказуемого. Поэт намеренно использует краткую форму прилагательного, поскольку их предикативность позволяет расставить смысловые акценты именно на этих лексемах. Слово, образованное по продуктивной модели, не способно перейти в узус в силу узкой контекстуальной ориентированности. Можно говорить о том, что реализация потенциальных возможностей языка никогда не являлась для А.С.Пушкина самоцелью, а лишь требованием каждой конкретной текстовой ситуации.

Четвертая глава (2.4) «**Глагольные семантические дериваты**» посвящена использованию глагольной лексики в качестве основы для разнообразных семантических трансформаций, среди которых:

1) Действия живых существ > действия сил природы

Природа у А.С.Пушкина зачастую живая, очеловеченная, поэт нередко прибегает к приему олицетворения. В связи с этим перенос из сферы действий живого существа вообще и человека в частности – одна из продуктивнейших моделей в романе: «...луна **обходит**// Дозором дальний свод небес», «Уж небо осенью **дышало**//... Лесов таинственная сень// С печальным шумом **обнажалась**», «Восток ленивый **почивает**» и др.

2) Процессы природного мира > процессы, связанные с физическим состоянием человека

В рамках модели показательной является группа образований, в основе которых лежит перенос из сферы процессов растительного мира: процессы, так или иначе связанные с жизнью растений, переосмысливаются А.С.Пушкиным применительно к жизни человека. В группу входят такие глаголы, как: **зреть, цвести, вянуть** и их производные.

Очень часто такие новообразования выступают в составе развернутых метафор, сравнений, в которых так или иначе подчеркивается связь лексем с растительным миром: «В глуши, под сению смиренной,// Невинной прелести полна,// В глазах родителей, она// **Цвела**, как ландыш потаенный». Глагол **цвести** приобретает значение «быть в расцвете сил, молодости» (СЯП). Здесь поэт использует прямое сравнение, делая соотнесенность производящего с производным абсолютно прозрачной.

3) Физические действия живых существ > процессы, связанные с проявлением эмоций

Все переносы этой группы характеризуются определенной особенностью сочетаемости: абстрактные существительные координируются с глаголами, обозначающими физические действия живых существ, в результате чего глаголы метафорически переосмысливаются и приобретают качественно новую семантику: «Того змия воспоминаний,// Того раскаянье **грызет**», «...жестокая хандра// За ним **гналася** в шумном свете», «Его **лелеяла** надежда» и др.

4) Действия живых существ > процессы мира неодушевленных предметов

Модель по структуре сходна с предыдущей, однако в качестве субъектов при глаголах, образованных путем семантической деривации, выступают не абстрактные существительные, а конкретные неодушевленные, чаще всего имеющие предметную семантику. В рамках этой модели также можно говорить об олицетворяющих метафорах: «*Мосты чугунные чрез воды// Шагнут широкою дугой*». Глагол *шагнуть* в контексте имеет значение «протянуться, построиться». Это пример очень экспрессивного, образного словоупотребления: глагол, содержащий в структуре суффикс «-ну-», сохраняет семантику однократного быстрого действия, благодаря чему такой длительный процесс, как строительство мостов, предстает почти мгновенным.

Другие примеры новообразований по данной модели: «*И шевелится этиграмма// Во глубине моей души*», «*Но изменяет пеной шумной// Оно [шампанское] желудку моему*». Многие из образованных по модели дериватов остаются принадлежностью языка поэта и не переходят в узус из-за ярко выраженной экспрессивности, однако все они демонстрируют то, как могут быть реализованы потенциальные возможности языка.

В **Заключении** содержатся выводы и обобщения по исследованному материалу в соответствии с выдвинутыми задачами.

Определены основные авторские приемы организации гармонического текста, базирующиеся на использовании словообразовательных морфем, как «корневых», так и «служебных». Словообразовательная морфема выполняет эстетическую функцию в романе «Евгений Онегин» и тем самым участвует в создании гармонического единства текста. При этом морфема способна становиться носителем субъективного авторского смысла, заставляя лексику принимать новое, окказиональное значение. Нередко производные выступают в качестве структурообразующего звена, оттесняя на второй план семантику производящей основы. В связи с этим возникает игра с читателем, в арсенале которой - богатство семантических трансформаций, ретимологизация, деэтимологизация, коннотации, морфологические изменения и особенности поэтического синтаксиса.

Путем использования комплексного анализа семантических трансформаций лексем на базе материала романа показано, что поэт активно использует механизмы образования новых слов без изменения формы знака. Процессы семантической трансформации в языке поэта носят системный характер, о чем свидетельствует существование деривационно-семантических моделей и типов, их регулярность, историческая обусловленность, синонимия грамматических показателей, что дает право утверждать правомерность семантического словообразования как самостоятельного способа, играющего важную роль в языке XIX века и современности и содействующего обогащению и пополнению словарного состава русского литературного языка.

Наблюдение над приемами организации гармонического текста позволило выявить случаи параллелизма и взаимодействия морфологического и семантического способов словообразования, в результате чего появляются

лексемы, значение которых формируется и определяется исключительно контекстным окружением.

Изучение материала выявило связь словообразовательных, стилистических и грамматических показателей, роль словообразовательной синонимии в становлении грамматической нормы и значимость семантических преобразований в истории языка.

Творческое наследие А.С.Пушкина заслуживает пристального внимания ученых и тщательного анализа с позиций новейших научных достижений. Комплексный подход к поэтическому тексту способствовал более глубокому изучению особенностей языка и стиля А.С.Пушкина. Эстетическая актуализация слова в контексте «Евгения Онегина» А.С.Пушкина, в реализации которой принимают участие словообразовательные средства, помогает установить как общие и частные языковые закономерности, так и создать картину исторической обусловленности фактов, раскрывающих внутренние законы эволюции языка.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Горбунова С.В. Модели семантической деривации имен существительных в романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин»// Ученые записки Казанского ун-та, Т. 153, кн.6. – Казань, 2011. – С. 150-157 (0,7 п.л.).
2. Горбунова С.В. Экспрессивная функция образований нулевой суффиксации в романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин»// Вестник Тамбовского ун-та, вып. 9(113). – Тамбов, 2012. – С. 248-252 (0,5 п.л.).

Монография:

3. Горбунова С.В. Семантические трансформации в художественном тексте: Пример романа А.С.Пушкина «Евгений Онегин». - Saarbrücken: LAP- Lambert Academic Publishing, 2012. – 92 с (5,9п.л.).

Публикации в других изданиях:

4. Горбунова С.В., Николаева Т.М. Семантико-стилистические трансформации глагола в романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин»// Слово в языке и тексте: сборник статей к 85-летию Софии Петровны Лопушанской - Волгоград, 2011. - С.97-112 (0,9 п.л.).
5. Горбунова С.В. Семантико-стилистическая трансформация именных образований в романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин»// Информационные технологии и письменное наследие: материалы IV международной конференции. - Петрозаводск, Ижевск 2012. – С.64-69 (0,5п.л.).

6. Горбунова С.В., Николаева Т.М. Функциональный статус префиксальной морфемы в романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин»// Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии: Материалы Международной научно-практической конференции. – Казань, 2012. – С.128-131 (0,3 п.л.).
7. Горбунова С.В.«Корневая» морфема как средство художественной выразительности в романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин»// Язык-культура-этнос: сборник научных трудов, посвященный 10-летию со дня основания кафедры общей лингвистики и лингвокультурологии КФУ. – Казань, 2013. – С. 88-94 (0,5 п.л.).